

КЭРОЛ МАРИНЕЛЛИ

Любовь всегда права

Поцелуй – Harlequin

Кэрол Маринелли
Любовь всегда права

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Маринелли К.

Любовь всегда права / К. Маринелли — «Центрполиграф»,
2016 — (Поцелуй – Harlequin)

ISBN 978-5-227-09065-2

Аня – прима-балерина русского балета. На гастролях в Лондоне после спектакля, в котором она исполняет первую партию, за кулисы приходит Роман Зверев. Семнадцать лет назад он исчез из жизни Ани, но она по-прежнему любит его. Она знала, что, уехав из России, Роман вступил в Иностраннный легион, где прослужил десять лет. Он разбогател и, уволившись из легиона, женился на парижанке, несколькими годами старше его. Теперь, когда они снова встретились, Аня хочет знать, почему он так жестоко поступил с ней. Между ними происходит бурная любовная сцена, но Роман снова уходит, так ничего и не объяснив...

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-09065-2

© Маринелли К., 2016

© Центрполиграф, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Кэрол Маринелли

Любовь всегда права

Return of the Untamed Billionaire

Copyright © 2016 by Carol Marinelli

«Любовь всегда права»

© «Центрполиграф», 2020

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2020

Глава 1

Она всегда танцевала только для него.

В этот вечер в Лондоне в последний раз давали балет Стравинского «Жар-птица».

В прошлый свой приезд в Лондон она танцевала одну из царевен и значилась дублершей исполнительницы главной партии.

Теперь, когда по просьбам публики этот потрясающий балет возобновили, Аня уже стала примой балета Татьяной, и те, кто собрались в зале, пришли сюда, чтобы посмотреть именно ее.

Театр был полон, ей сказали, что сегодня вечером среди зрителей будет герцогиня, но Аня все равно танцевала только для него. Для Романа Зверева. Первой и единственной любви в ее жизни.

Не считая балета.

Многочасовые занятия, абсолютное владение своим телом, жесточайший репетиционный режим и бесконечное стремление к совершенству – все это она делала для себя.

Но, выходя на сцену, она танцевала для него.

Теперь она пользовалась отдельной гримерной. Подобно большинству артистов Аня была суеверна, и стол в ее гримерке напоминал алтарь. Он был заставлен безделушками-талисманами, собранными за долгие годы. Специальный грим и кисточки были тщательным образом разложены в особом порядке.

Она уже разогрелась. Забинтовала израненные пальцы ног и отбросила в сторону разбитые пуанты – новая пара уже приготовлена. Свои каштановые волосы Аня убрала в высокий тугий пучок и выбелила лицо. Осторожно наложила золотые тени и подвела черной тушью светло-зеленые глаза.

Все делалось строго по порядку. До начала оставалось полчаса, и Аня, выпив кокосовой воды, медленно сжевала половинку банана. Вторую половинку прима аккуратно завернула и отложила в сторону, ее она съест в антракте вместе с маленькой шоколадкой.

Аня любила шоколад. Он напоминал ей о Романе.

Покончив с едой, она вытерла рот салфеткой и водрузила на голову убор из красных и золотых перьев. Потом тщательно закрепила его на волосах множеством заколок и шпилек. Наконец, довольная тем, что он держится крепко, Аня накрасила губы алой помадой и позволила своей костюмерше.

Выскользнув из шелкового халата, она надела костюм – плотно облегающий темно-красный лиф с оранжево-золотым узором и пачку из десяти слоев ткани, расшитую шелковыми перьями. Аня подняла руки и проверила молнию. Костюм сидел идеально, открывая стройные линии ее длинных рук и ног.

За порогом театра в реальном мире ее миниатюрная фигура притягивала взгляды и вызывала удивленный шепот своей худобой. Однако все ее маленькое тело состояло сплошь из стальных мышц и отличалось удивительной силой.

О да, она работала над этим каждый божий день. Многочасовые занятия у станка, бесконечные репетиции и строгое самоограничение позволяли ее телу исполнять па, о которых другие могли только мечтать. Но, несмотря на годы, проведенные на сцене, сейчас, когда раздался второй звонок и костюмерша в последний раз осмотрела ее с головы до ног, Аня ощутила нервную дрожь.

Теперь она больше не Аня, она Татьяна.

– Merde! – бросила костюмерша балетный аналог напутствию «ни пуха ни пера» – и Татьяна кивнула, но ничего не ответила, потому что у нее слишком сильно стучали зубы.

Она набросила на голые руки и плечи тяжелую шелковую шаль, купленную в подарок для матери. Катя, мать Ани, вырастила дочь одна. Она работала в России поваром в детском

доме. Недавно мать умерла, но успела увидеть свою дочь на вершине славы, за что Аня не переставала благодарить судьбу.

Аня помнила, как делала свои первые танцевальные шаги на кухне детского дома, где работала мама. Вместо того чтобы идти домой, в их маленькую холодную пустую квартиру, она шла в детский дом и отработывала шаги, чувствуя в желудке голодную боль из-за запаха тушеного мяса, которое готовила мать.

Иногда ей удавалось тайком попробовать его, но, если мать замечала, Аня получала увесистый подзатыльник.

– Ты что, хочешь стать такой же толстой, как я? – приговаривала Катя.

Конечно, иногда они ссорились, но только в те годы, когда Аня была подростком.

– Никаких мальчиков, – предупредила Катя, заметив, как Аня пялится на Романа. – Особенно таких, как Роман Зверев. От таких одни неприятности.

– Нет, – возражала Аня. – Он просто скучает без своего брата-близнеца.

– Близнеца, которого он колотил и запугивал.

– Нет, – снова заступалась Аня, – это потому, что Даниил отказывался идти в приемную семью без своего брата, и Роман только так смог его заставить.

– Не пререкайся. – Катя опустила рулонную штору и отправила Аню в дальнюю часть кухни. В этот вечер дома мать провела с дочерью строгую воспитательную беседу. – У тебя не должно быть никаких мальчиков. Чтобы добиться успеха в балете, ты должна думать только о танце.

Аня подчинилась – никаких мальчиков. Но через несколько лет она снова встретила Романа.

И к тому времени он стал мужчиной.

Сейчас, готовая выйти на сцену, Аня смотрела на свои талисманы, поочередно дотрагиваясь до каждого. Она открыла маленькую шкатулку, но не стала доставать скомканный кусочек фольги. Это подождет до антракта. Вместо этого она провела пальцами по выцветшей бирке. Эту бирку она оторвала от простыни, на которой они с Романом впервые занимались любовью. Рядом с ней лежала маленькая золотая сережка в форме кольца.

Поднеся к губам бирку, Аня поцеловала ее и, снова положив в шкатулку, захлопнула крышку.

Раздавшийся стук в дверь сказал ей, что пора идти, и Аня двинулась по лабиринту коридоров старого лондонского театра. «Merde», – снова и снова несло ей вслед, но она не отвечала.

Аня нелегко заводила друзей. Ее единственной целью было подняться на вершину, и все считали ее холодной. Такой она и была. Снежной королевой. Пока не начинала танцевать.

Мика уже стоял в кулисе. В своем красном костюме и маленькой шапочке, на которую ему предстояло приколоть перо, подаренное Жар-птицей. Они лишь кивнули друг другу. Перед выходом на сцену каждый был поглощен собственным внутренним ритуалом.

Пресса упорно старалась представить их парой. Мика пользовался репутацией покорителя женских сердец, и ту химию, которая возникала между ними на сцене, невольно переносили за пределы зрительного зала.

На самом деле между ними ничего не было. Аня не сближалась ни с кем. Такое случилось только однажды. Роман ее бросил, и жизнь, наполненная радостью и страстью, осталась в прошлом.

Публика начала аплодировать, и Аня, сбросив с плеч шаль, сделала финальную разминку. Зал затих, раздались звуки оркестра.

– Merde, – бросила она Мике, когда тот подхватил свой лук и стрелы – реквизит для первой картины – и в образе Ивана-царевича вышел на сцену, представлявшую собой сказочный сад.

Аня сделала несколько глубоких вдохов, стараясь справиться с подступившей дурнотой и перестать стучать зубами. Даже после стольких лет она страдала от жуткого страха сцены, становившегося тем сильнее, чем успешнее становилась ее карьера.

Сегодняшняя партия считалась очень сложной, и внутреннее напряжение достигло невероятной силы. Аня сделала несколько шагов назад, остановилась, закрыла глаза и сделала еще несколько медленных, глубоких вдохов, ожидая выхода.

Когда момент настал, она уже не была ни Аней, ни даже Татьяной. На сцену она вылетела Жар-птицей. Всполох золота в ореоле света промчался по сцене, и она услышала, как зал затаил дыхание. Жар-птицу заметил Иван-царевич.

Он спрятался за деревом, а Жар-птица с другой стороны сцены делала очередные глубокие вдохи, готовясь снова потрясти зрителей. И ей это удалось.

Теперь царевич прятался в саду и караулил Жар-птицу, чтобы поймать ее, а она, снова выпорхнув на сцену, сорвала с дерева золотое яблоко.

Жар-птица так прекрасна, танцует, думала Аня. Она стройна, изящна и грациозна. Немногие знали, каких отчаянных усилий стоит воплотить эту красоту на сцене. Сегодня, в этом финальном спектакле она танцевала для него.

Для Романа. Для человека, которого она по-прежнему горячо любит.

Долгое время Аня боялась, что он умер. Но, к счастью, это было не так. Он ни разу не сказал, что любит ее. Да и любил ли? И увидит ли она его когда-нибудь? Жар-птица снова и снова задавала себе этот вопрос, когда царевич поймал ее, и началось *pas de deux*.

Где-то в душе теплилась надежда, что это случится – скоро труппа будет в Париже, где, как знала Аня, теперь живет Роман. «Станет ли он искать встречи со мной на этот раз?» – задавалась она вопросом, когда царевич поднял ее высоковысоко к самому небу.

Все шло хорошо. Наступил антракт, и она, не обращая внимания на болтовню коллег, заперлась в своей гримерке. Первые десять минут ушли на то, чтобы просто восстановить дыхание. Эта партия была одной из самых сложных. Потом Аня съела вторую половинку своего банана и, положив в рот маленькую шоколадку, закрыла глаза.

Чувствуя на языке сладкий вкус шоколада, она вспомнила свое первое выступление. Аня всегда репетировала у матери на кухне. Но однажды, когда она уже стала подростком, мама сказала, что не надо танцевать, когда обедают мальчики. Это их отвлекает.

Вместо этого она должна надеть фартук и подавать им еду. А ей так нравилось отвлекать одного из них. Романа. У них с братом-близнецом обнаружили способности к боксу, и завхоз Сергей пытался их тренировать, утверждая, что однажды братья Зверевы прославятся в мире бокса.

Маленькой девочкой Аня смеялась над их тренировками, утверждая, что она куда сильнее и ловчее их. Так оно и было.

Аню приняли в знаменитую балетную школу, но на каникулы она снова возвращалась в детский дом.

Они всегда ходили вместе – четверо неразлучных друзей: Роман, Даниил, Николай и Сева. Воспитатели называли их ходячей проблемой. Аня так не считала. Но накануне того дня, когда Даниила собиралась забрать богатая семья из Англии, Роман затеял поединок с братом, из которого вышел победителем.

Она помнила, как Даниил сидел на кухне, а ее мать делала все, что могла, чтобы привести в порядок его щеку.

– Богачам не понравится это безобразие, – говорила ему Катя, пока Аня бегала за аптечкой.

Она смотрела на Даниила и видела в его глазах недоумение. Как брат мог сотворить с ним такое? «Это потому, что Роман хочет тебе добра», – хотелось ей сказать. Она понимала, что Роман просто хотел ему внушить, что без него сможет легче пробиться в боксе.

Но Аня слишком волновалась и побоялась сказать это в присутствии матери.

После того как Даниил уехал в Англию, маленькая группа друзей быстро распалась. Сева начал ходить на занятия в престижную школу, а потом и вовсе перешел туда. Николай исчез и, как выяснилось недавно, просто сбежал.

В детдоме остался только Роман. Теперь он приходил в столовую во вторую смену со старшими, самыми проблемными ребятами. Он стал красавцем. Темные волосы, светлая кожа и черные глаза, взгляд которых иногда ловила на себе Аня. Она всегда ждала его появления и остро ощущала его присутствие. Даже в самые холодные дни, когда он приходил на завтрак, у нее начинали пылать щеки только оттого, что он был рядом.

Вечерами, когда она подавала ему ужин, их пальцы иногда соприкасались, когда он забирал тарелку. Аня жила ради таких моментов и мечтала поговорить с ним. Но он жил в закрытом крыле, и мечта оставалась недостижимой. Иногда она пыталась убедить себя в том, что ей только кажется, будто Роман чувствует то же, что и она. Но однажды вечером их пальцы снова встретились и он сунул ей что-то в руку. Аня невольно нахмурилась, ощутив маленький плоский предмет.

Волнуясь, как бы мать не заметила, она сунула его в карман фартука. Но потом, когда ее отослали на кухню есть суп, она его достала.

Шоколадка. Бельгийская. Целая плитка! Откуда он ее взял? И почему вместо того, чтобы самому съесть такую редкостную вкуснятину, Роман сохранил ее для Ани?

Мать все узнала. Она открыла дверь и увидела, как Аня засовывает шоколадку в рот. Катя страшно ругалась и дала ей затрещину. И не только из-за сладкого вкуса. Если Роман отдал ей эту шоколадку, значит, он думал о ней. Все эти годы она хранила обертку из фольги и сейчас, дотронувшись до нее, улыбнулась своим воспоминаниям.

Подшло время возвращаться на сцену. Завернувшись в материнскую шаль, Аня подкрасила губы алой помадой и снова пошла по лабиринту коридоров.

Жар-птица взлетала еще выше. Танцуя с чудищами, притаившимися во мраке, она думала о любимом, который ее бросил. О том, как он разбил ее сердце, когда ушел, даже не попрощавшись.

Но она поднялась. Свое горе, свою злость, свою тоску она изливала в балете – ее второй любви. И похоже, он вознаградила ее, раз теперь она порхала здесь в свете прожекторов. Теперь она – прима-балерина и знала, что сегодня весь зал будет у ее ног.

Жар-птица смеялась над чудищами, заставляя их танцевать до изнеможения, а сама продолжала летать, словно не знала усталости.

И как всегда, Аня представляла себе, что Роман видит, как Иван-царевич ловит ее, кружит ее, а она – воплощение совершенства – падает в его объятия. Она представляла себе, как Роман страдает, жалея, что оставил ее.

Когда на сцене разбилось волшебное яйцо, Жар-птица с болью вспоминала его улыбку.

Как-то в детском доме началась эпидемия гриппа, и воспитанникам запретили выходить из своих комнат. Однажды, незадолго до того, как Роман, окончив школу, вышел из детского дома, Аня относила ужин в его спальню, и они впервые на мгновение остались одни. Как ей хотелось поцеловать эти шелковые губы.

– Где ты взял шоколадку? – спросила она.

Роман не ответил, но от его улыбки она вся наполнилась теплом.

И вот сегодня она горела огнем, вспоминая об этом. Но потом все кончилось.

В финальной сцене Жар-птица не появлялась, она сидела на полу за кулисами и жадно хватала ртом воздух. У нее совсем не осталось сил. Когда спектакль окончился, услышав крики «браво» и аплодисменты, она заставила себя встать. Жар-птица вылетела на поклон. Все такая же прекрасная, такая же ослепительная, она принимала аплодисменты.

При ее появлении весь зал встал. Зрители понимали, что сегодня вечером они видели потрясающий спектакль. Татьяна сделала несколько глубоких реверансов, наклонилась и подхватила брошенные на сцену розы. Она знала, что заслужила признание публики, и улыбалась в ответ на непрекращающиеся крики зрителей.

Овация продолжалась десять минут, ее вызывали снова и снова, но, только когда шум постепенно начал стихать, она услышала это.

– Bravo, красавица!

На миг Татьяна застыла на месте, потом повернулась направо и уставилась в темноту, но так и не смогла его разглядеть. И все же она узнала голос.

Это был Роман.

Глава 2

Среди зрителей было много русских, и ей часто приходилось слышать эту фразу. Но именно его голос заставил ее поднять голову и вглядываться в темноту. На какую-то долю секунды, стоя посреди сцены, она снова стала Аней Илюшиной.

Поварихиной дочкой.

Сироты из детского дома считали ее счастливицей и богачкой просто потому, что у нее есть мать, а позже она поступила в знаменитую балетную школу, где научилась не только танцевать, но и правильно говорить, есть и вести себя как настоящая леди. Они не понимали, что она чувствовала себя такой же бедной замарашкой, как они. До поступления в балетную школу и потом во время каникул Аня вставала в пять утра в своей холодной комнате и вместе с матерью отправлялась в детский дом. Там на кухне она, по крайней мере, не мерзла, как дома. Катя работала весь день до позднего вечера и не только готовила, но мыла, чистила и убирала всю утварь. После того как мать замачивала овсяную крупу для завтрака, они возвращались в свой темный холодный дом, чтобы на следующее утро начать все сначала.

Но Аня всегда с нетерпением ждала следующего дня и, как только снова оказывалась в детдоме, сразу же начинала высматривать Романа.

Вот и сейчас она искала его взглядом. Аня беспомощно вглядывалась в темный зал. Возможно, она ослышалась. Или сошла с ума. С этими мыслями прима вернулась к себе в гримерную.

Теперь она чувствовала, что совершенно вымоталась. Все тело болело. Усевшись за гримерный стол, она постаралась сосредоточиться. Ее известили, что скоро ее посетит герцогиня.

– Кто еще?

В списке оказалось много людей, желавших поздравить ее с успехом, и Аня вдруг обнаружила, что, затаив дыхание, слушает их имена. В прошлом году, когда она впервые танцевала Жар-птицу, среди зрителей оказался брат Романа Даниил, который пришел за кулисы убедиться, что это действительно она.

Она бросилась к нему, на секунду подумав, что это Роман. Но еще до того, как заметила шрам на щеке, у нее упало сердце, потому что она поняла: это не он.

Теперь она боялась даже надеяться.

И конечно, в списке оказался один из спонсоров со своей юной дочерью, которая тоже хочет стать балериной. Аня нетерпеливо постукивала по столу пальцами, слушая, как ей зачитывают список.

– Кто еще? – отрывисто бросила она.

– Еще один джентльмен. Он говорит, что вы вспомните его, потому что он брат Даниила Зверева.

Густо накрашенные ресницы взлетели вверх. Теперь она знала, что Роман здесь, хотя и не захотел назвать свое имя.

– Он просил передать вам свои поздравления по случаю вашего прекрасного выступления и сказал, что всегда знал: вы добьетесь успеха. Еще он просил меня передать вам это.

Аня опустила глаза и увидела на ладони ассистентки тоненькое золотое колечко – сережку, которую потеряла, когда они впервые занимались любовью.

О, она помнила, как вернулась в тот вечер домой. Очень поздно. Мать спросила, где она была.

– Ты потеряла сережку, – сказала Катя. А потом, увидев блестящие глаза дочери, ее покрасневшие щеки и губы, ее кожу, воспаленную от жарких нетерпеливых поцелуев Романа, ударила Аню по щеке.

Больно.

Потом ударила по второй.

Щеки Ани зарделись от воспоминаний о том первом блаженстве, которое испытали они оба. И вот теперь Роман принес ей сережку.

– Скажите брату Даниила, что он может передать мне ее лично. Приведите его ко мне в гримерную после того, как я попрощаюсь с остальными.

О, ей очень хотелось получить назад пропажу. Мать подарила ей эти серьги, когда ее приняли в балетную школу. Но это означало бы обмануть свое сердце, и ей казалось, что она обожжет пальцы, если возьмет ее из рук любого другого человека, кроме Романа.

Теперь ей надо было уделить внимание гостям из списка. И все же, выслушивая поздравления герцогини, Аня чувствовала, как по спине пробегают мурашки от мысли, что Роман где-то рядом. Татьяна сделала глубокий реверанс, улыбнулась и поговорила с герцогиней, но у нее перехватывало дыхание не от благоговейного трепета, а от того, что ждало ее дальше.

Она приветствовала остальных почитателей и любезно отвечала на их поздравления. Потом поговорила с юной дочерью спонсора и подарила ей пару балетных туфель.

Да, Аня сделала все, что положено, пока в конце концов не села у стола в гримерной и не сказала ассистентке, что готова принять последнего гостя.

Взглянув на себя в зеркало, Аня увидела, как дрожат перья ее головного убора, увидела свои расширенные, словно от ужаса, глаза. Неужели после стольких лет они встретятся лицом к лицу и наконец объяснятся?

О, однажды, пару лет назад, она его видела, но с большого расстояния. И с тех пор изо всех сил старалась стереть из памяти воспоминание об этом.

Раздался стук в дверь, но она не могла ни встать, ни повернуться. Единственное, что ей удалось, – это сказать по-русски «войдите».

Но даже когда дверь открылась и снова закрылась за ним, Аня не повернулась. Только оттого, что он рядом, ее начал бить озноб.

Она увидела его в зеркале. Сначала в нем отразился темный костюм и белоснежная рубашка, но и этого хватило, чтобы она поняла: Роман по-прежнему в прекрасной форме. Даже лучше, потому что теперь, подойдя ближе и встав у нее за спиной, он показался ей выше и крепче. Аня заставила себя посмотреть в зеркало и встретиться с ним взглядом.

Роман стал еще красивее, чем был прежде. Его волосы были подстрижены короче, чем тогда в юности, но по-прежнему были темными и блестящими. Черные глаза, встретившись с ее глазами, предупреждали ее сердце, что он по-прежнему опасен, потому что даже после стольких лет сохранил свою власть над ней.

Она не смогла бы пережить, если бы потеряла его во второй раз. На самом деле даже в третий, но Аня старалась не думать об этом.

Судя по виду, годы, которые она провела в отчаянии и страдании, пошли ему на пользу. Мужчина, отражавшийся в зеркале, выглядел уверенным в себе и спокойным, а запах дорогого одеколona говорил о достатке.

Роман завладел всеми ее чувствами – он всегда владел ими. В дешевых джинсах или в дизайнерском костюме, эффект его близости оставался неизменным. Ее чувства не видели разницы.

Ей было все равно, что руки, которые легли ей на плечи, теперь несли на себе следы заботы маникюрши. Уже одно их прикосновение заставило Аню бороться с собой, чтобы не наклонить голову и не прижаться щекой к его руке.

Он вернулся. Это все, что она знала. Его рука была на ее плече. Она закрыла глаза от наслаждения.

– Браво, – сказал Роман.

– Роман. – Все, что смогла произнести она.

Но для Романа этого было более чем достаточно. Его имя, слетевшее с ее губ, знакомая хрипотца в ее голосе – и воспоминания, вытесненные в дальние уголки сознания, хлынули потоком.

Он был потрясен, когда узнал, что его брат женился и у них с женой родилась дочка. Он с трудом мог осознать, что у него есть племянница, что Даниил теперь отец. Но, даже узнав об этом, Роман не напомнил брату о себе.

Ему вспомнился разговор с воспитателем в тот день, когда состоялся поединок с братом. Романа вызвали в кабинет директора.

– Даниил сказал, что откажется от усыновления, если они не возьмут и тебя тоже, но они не хотят тебя брать.

Роман ничего не ответил.

– Ты помнишь, когда вы с братом ходили на прогулку с той парой?

– Нет.

– Эти муж с женой думали усыновить вас обоих, но потом пришли к выводу, что ты совершенно неуправляем. Мы сказали, что предпочитаем не разделять близнецов. Но, Роман, один раз Даниил уже потерял свой шанс из-за твоего плохого поведения. Не дай этому повториться снова.

– Скажите ему, путь уезжает, а когда я вырасту...

– Нет. – Воспитатель тут же перебил его. – Я вижу, ты не понимаешь, о чем идет речь. Даниил будет учиться в частной школе, у него будет прекрасный шанс начать новую жизнь. Ты хочешь, чтобы твой брат стал искать тебя? Помогать тебе?

Ни за что.

– Ты должен принять правильное решение, дать своему брату уйти для его же блага.

Он так и сделал.

Теперь Даниил работал в Лондоне. Роман говорил себе, что приехал сюда, чтобы купить недвижимость, что возвращение «Жар-птицы» на сцену – это всего лишь совпадение.

Но он все же купил билет на сегодняшний спектакль. Надев черный костюм и собираясь выйти из своего роскошного отеля, он чуть было не порвал билет.

Ведь он давал себе клятву, что никогда не пойдет на ее спектакли. И все же он пришел. Когда Аня в первый раз появилась на сцене, у него перехватило дыхание.

Глядя, как она танцует, он чувствовал боль, потому что был уверен: с ним она не смогла бы добиться такого успеха. И в то же время гордился ею, она осталась верна своей мечте и смогла подняться на вершину мастерства.

Аплодируя ей стоя, Роман решил уйти из зала, не обнаружив себя. Он просто унесет с собой прекрасное воспоминание о том, что видел Аню на пике ее карьеры, но не удержался и крикнул ей «браво!». Аня вскинула голову и стала искать его взглядом, и Роман понял: он врал себе, что хочет уйти, потому что взял с собой золотую сережку, которую много лет назад нашел на полу, когда убирал свою комнату в общежитии.

Но захочет ли она его видеть?

И вот теперь Аня задала вопрос, на который он не знал правильного ответа.

– Зачем ты пришел? – спросила она. Они говорили по-русски. Роман уже долгое время не говорил на родном языке, но перейти на него оказалось на удивление легко.

– Чтобы тебя поздравить, зачем же еще? – ответил он. – Ты это сделала. Я всегда знал, что ты сможешь.

Роман наклонился, и Аня снова вдохнула его пьянящий запах. Его рука скользнула по ее голому плечу, когда он клал пропавшую сережку на гримерный стол. Аня взяла сережку, вспоминая их восемнадцатилетних, желавших только одного – быть вместе.

– Ты же говорил, что не нашел ее.

– Не нашел, – ответил Роман. – Но когда я стал собирать вещи...

Тогда он сложил все, что у него было, в маленький рюкзак и ушел, даже не попрощавшись.

– Ты мог бы прийти и отдать ее мне.

– Нет, – возразил Роман. – Тогда мы бы снова оказались в постели. Я должен был сделать то, что сделал.

Она не могла отрицать, что все снова кончилось бы любовью, и не могла простить ему, что он решил уйти. Но то, что все эти годы он хранил ее сережку, много значило.

Аня встала и повернулась к нему лицом. Рядом с его внушительной фигурой она казалась совсем крошкой. Ей захотелось посмотреть на него и увидеть все, что она потеряла.

Роман выглядел безупречно.

Блестящие черные волосы были модно подстрижены, пахнувшее дорогим одеколоном лицо выбрито идеально чисто, эксклюзивный костюм так хорош, что она не удержалась и дотронулась до лацкана. Ее пальцы ощутили каменную твердость его груди, и Аня почувствовала, как на глаза навернулись слезы. Перед ней стоял другой Роман, совсем не тот бедный юноша, которого она знала.

Его ладонь накрыла руку Ани. Она подняла голову, их глаза встретились, и годы разлуки умчались прочь.

Ни один человек не действовал на нее так, как Роман. И он мог сказать о ней то же самое.

– Где ты был? – спросила она.

Он не ответил. Аня почувствовала, что он не хочет ничего рассказывать.

– Это не важно.

– Мне важно.

– У меня мало времени. – Роман покачал головой, но так и не выпустил ее руку.

– Ты можешь хотя бы пригласить меня в ресторан. Мы бы обо всем поговорили. Мне столько всего надо понять.

– Разве ты не идешь на банкет после спектакля? – удивился Роман. Стоя за кулисами, он видел, как Аня принимала поздравления герцогини, и слышал их разговор.

Он по-прежнему не выпускал ее руку, но теперь их пальцы сплелись, а ладони ощущали участвующий пульс, потому что пламя, которое так никогда и не угасало, разгоралось с новой силой.

– Я могу не ходить.

– Нет. – Он покачал головой. – Наш последний поход в ресторан закончился не слишком хорошо. Ты помнишь?

Аня чуть не поперхнулась от смеха, когда вспомнила тот единственный раз, когда они вдвоем пошли в ресторан. Роман, пытавшийся тогда пробиться в мире бокса, получил деньги за выигранные бои и пригласил ее в ресторан в День святого Валентина.

В то время в России День всех влюбленных был новым праздником, и Ане очень хотелось его отметить. Ей хотелось цветов и, конечно, шоколада. Но Роман потащил ее в ресторан.

В первый ресторан их не пустили, потому что Роман был без пиджака и галстука, в другом, куда им удалось попасть, он пережил целое испытание.

Для начала ему дали меню, о существовании и назначении которого Роман даже не подозревал. За ним последовала еще и карта вин.

Ему хотелось дать ей все. Но у него ничего не было. Ничего.

И все же Роман делал то, что мог, чтобы помочь ей справиться с болью после тяжелых репетиций и со страхом, охватившим Аню в преддверии важного просмотра.

Они лежали в его комнате и говорили о будущем. Хотя Катя утверждала, что никакого будущего у них нет. А потом он вдруг ушел, даже не предупредив ее.

– Ты меня бросил... – с болью в голосе произнесла Аня. Она ударила его рукой в грудь и тут же почувствовала, как теплая ладонь Романа накрыла ее руку.

– Аня, я должен был. Если бы я остался, ты никогда бы не стала такой, как сейчас.

– Ты не знаешь.

– Но это правда. Ты хотела уехать в Питер и уехала.

– Ты мог бы поехать со мной. Мы бы сняли квартиру...

– Аня, из этого бы ничего не вышло. Я не смог бы снимать нам квартиру, точно так же, как не мог сидеть и, молча, смотреть...

Роман не закончил, но они оба знали, что он имеет в виду.

О, тот вечер после ресторана обернулся сущим кошмаром.

Они ушли и вернулись в его маленькую комнатку, понимая, что это самый ужасный Валентинов день, какой только можно себе представить. Лежа на кровати, Роман думал о том, что разочаровал Аню полным неумением вести себя.

Но дело было не в этом.

Аня лежала рядом и, глядя в потолок, думала о том, что она объелась. Как она могла допустить такое! Три блюда! Ей так понравилось жареное мясо с хреном. И вино. Переедание – что могло быть хуже накануне такого важного просмотра? Она знала, что Роман потратил на нее все свои деньги. Он думал, что хорошая еда пойдет ей на пользу. Но она тяжелым камнем лежала в желудке, и Аня понимала, что теперь не сможет танцевать.

Как только она убедилась, что Роман уснул, она пробралась в крошечную ванную, опустилась на колени и сделала то, что надо, чтобы на следующий день быть на высоте.

Даже сейчас ее охватил стыд, когда она вспомнила, как зажегся свет.

– Какого черта ты тут делаешь? – кричал Роман.

– Ты не понимаешь, какой это трудный конкурс.

– Но он того не стоит! Аня, твоя мать ошибается, когда говорит, что...

Она не дала ему закончить.

Потрясенная тем, что ее застукали, Аня попыталась спасти положение, бросившись на защиту Кати.

– Она хочет мне добра. Роман, ты не понимаешь, что такое мать...

Она тут же пожалела о своих словах, потому что глаза Романа сделались непроницаемыми.

Это был их последний разговор.

Да, подумала Аня, возможно, он и не смог бы спокойно смотреть на то, что ей пришлось делать, чтобы стать тем, кем она стала. Но с того времени она ни разу не пыталась специально вызвать рвоту. Она просто никогда больше не позволяла себе съесть больше, чем положено, и постоянно работала над своим телом. Но лишь немногие понимали, какой самодисциплины это требует.

– Где ты был? – спросила она.

– Во Франции, – ответил он. – На Корсике...

– Значит, ты действительно вступил в Иностраннный легион? – Глядя на его огромную ладонь, накрывавшую ее руку, Аня пыталась сдержать слезы.

– Да.

Она знала о французском Иностранном легионе, потому что в один из тех немногих дней, которые они провели вместе, Роман говорил о такой возможности. А когда он исчез, Аня об этом вспомнила. Легионерам выдавали паспорта с новым именем и новые свидетельства о рождении.

Их прошлое стиралось начисто. И это означало, что, если солдат, которого ты так любила, погиб, ты никогда об этом не узнаешь.

– Ты решил, что это лучше, чем остаться со мной?

– Так было надо, Аня. Мне надо было начать все заново.

– И как теперь тебя зовут?

Он снова не ответил, и Аня поняла, что ему нельзя разглашать свое новое имя. Как нельзя было приходить сюда. Для легионеров свидания с прошлым строго запрещены.

– Роман. – Аня сама ответила на свой вопрос, потому что для нее он навсегда остался Романом. Да, возможно, многое изменилось, но в ее сердце он был все тот же Роман. Ее чувства к нему никогда не исчезали, а сейчас и вовсе обострились.

– Ты до сих пор служишь в легионе?

– Нет.

– Сколько ты там прослужил?

– Десять лет.

Значит, он ушел из легиона в двадцать восемь лет, а до сегодняшнего дня прошло еще четыре года.

– Так почему ты сегодня здесь?

– Мне надо было убедиться, что у тебя все в порядке.

– И потом ты уйдешь?

– Да.

Он должен. Он не хотел усложнять ей жизнь. От него всегда были одни проблемы.

К тому же он читал в прессе, что у Ани отношения с Микой. Странно. Ему всегда казалось, что танцоры-мужчины – просто красивые мальчики в трико.

Сегодня он изменил свое мнение.

– Аня, я пришел, чтобы просто посмотреть на тебя. Теперь я вижу, что у тебя все хорошо.

– Тогда уходи.

Но он не уходил. Они стояли, смотрели друг на друга и говорили. Но не губами, а глазами, так же как делали это много лет назад. Тогда взгляд Ани пересекал большую детдомовскую столовую, чтобы встретиться с его взглядом.

«Ты вспоминал обо мне?» – молча спрашивала она.

Его глаза отвечали «да». Черные как угли, они сверкали так же, как тогда, и так же, как тогда, могли заставить ее пылать в ответ.

Роман посмотрел на ее густо накрашенный рот, и Аня поняла, что он ее поцелует. Взяв со стола салфетку, он стал стирать помаду.

И она позволила ему это сделать.

А он ругал себя: о чем он, черт возьми, думал? Что может прийти посмотреть, как она танцует, а потом просто взять и уйти? Это же невозможно.

Они пристально всматривались друг другу в глаза, и их дыхание вошло в тот же ритм, как тогда, когда они целовались впервые.

Тогда Аня только что вышла из театра и увидела, что перед ней мужчина.

Но сегодня, когда она, подняв руки, дотронулась до его лица, он не дрогнул. Он просто ощутил нежное прикосновение ее пальцев, гладивших его по лицу. По лицу, которое казалось Ане самым красивым. Высокие скулы, черные глаза – облик, навсегда врезавшийся в ее сознание. Мужчина, который когда-то возносил ее на небеса. Сейчас он мог сделать это снова.

– Это будет мой прощальный поцелуй, – сказал Роман.

Он не спросил: «Можно я тебя поцелую?» Роману никогда не требовалось разрешения.

Его поцелуй был мягким, и это удивило Аню, потому что раньше его поцелуи были страстными и даже слегка грубоватыми. Но сейчас он опустил голову и, взяв ее за подбородок, нежно поцеловал в губы, и это было новое обретение друг друга. Анины губы раскрылись, и его язык скользнул внутрь. Они заново узнавали друг друга, пытаясь утолить копившийся годами голод, и вскоре его поцелуй сделался страстным, как тогда.

Роман крепко обнял ее, как умел это делать только он один. Казалось, ее тело принадлежит ему по какому-то исконному праву. Его губы продолжали терзать ее рот.

Эта сладостная мука заставила ее положить ему руки на грудь, но не для того, чтобы оттолкнуть, а чтобы крепче прижаться к нему.

И Роман прижал ее к своей широкой груди. Его рука чувственным жестом легла ей сзади на талию, но плотные слои пачки не позволяли ей опуститься ниже. Однако это препятствие недолго смущало Романа, и вскоре его рука уже гладила Анины ноги и бедра.

Их языки сливались в страстном танце, желание росло, а поцелуй уже не был похож на прощальный. Напротив, казалось, их тела приветствовали друг друга после долгой разлуки.

Аня почувствовала, как низ его живота с силой прижался к ней, а другая рука нашла грудь, и, несмотря на препятствие – плотную расшитую ткань лифа, это прикосновение показалось ей блаженством. Большой палец Романа скользнул по ее соску, и ей страшно захотелось избавиться от одежды.

– Татьяна... – В дверь постучали, и Аня поняла, что это ассистентка, которая хочет войти.

Они перестали целоваться, но он так и не выпустил ее из рук, продолжая гладить Анину грудь. Они смотрели друг другу в глаза. Она чувствовала его возбуждение, но не только это. Тело Романа стало крупнее и мощнее, и Аня хотела его, до боли хотела насытиться им за все те годы, что он лишил ее возможности прикоснуться к нему.

Но Аня понимала, что должна прогнать Романа, и сейчас у нее появился шанс сделать это.

Он тоже знал, что должен уйти.

По крайней мере, об этом говорили их глаза.

– Я сама справлюсь с костюмом! – по-русски крикнула Аня через дверь. – Вы можете идти.

С ее костюмом справится Роман. Аня поняла это, когда он, не говоря ни слова, повернул в двери ключ.

Он вернулся.

На этот вечер. Их прощальный вечер.

Глава 3

Теперь Аня дрожала от страсти, а не от страха сцены.

Ее ноги, которые еще совсем недавно проделывали самые невероятные па, с трудом могли идти, когда, взяв ее за руку, Роман повел ее к стоявшему в гримерной креслу. Он усадил Аню и, повернув кресло в сторону, опустил на одно колено.

Развязав шелковые ленты ее пуантов, Роман снял их с ее ног. Аня поморщилась. После спектакля эта процедура всегда вызывала боль. Даже несмотря на то, что она заранее разнашивала пуанты и тщательно бинтовала пальцы, на мысках ее балетных трико краснели пятна крови. Роман погладил ступни ее ног и пятки, а потом провел теплыми руками по истерзанному болью щиколоткам.

Его пальцы чувствовали, как напряжены ее мышцы, и какое-то время он просто гладил и растирал их. Пока Аня не сжала его плечо. Ей хотелось, чтобы его руки двинулись выше.

– Вставай, – сказал он тихим низким голосом, от которого у нее по спине побежали мурашки, и поднялся сам.

Аня тоже встала и подняла руки.

Роман осторожно нащупал маленькую потайную молнию и расстегнул ее.

Костюм упал, и Аня, перешагнув его, замерла, пока он поднимал ее одеяние с пола.

– Только не говори, что я слишком худая...

– Тсс, – ответил он. Ему не хотелось вспоминать их последнюю ссору. Вместо этого Роман взялся за пояс ее балетного трико и спустил его вниз. Аня осталась совсем голой, если не считать повязок на пальцах.

Она снова опустилась в кресло, и Роман занялся повязками. Аня не смогла удержаться, чтобы не дотронуться до его блестящих черных волос. Ей до сих пор не верилось, что после стольких лет разлуки он действительно здесь, с ней.

Стоя на коленях, Роман поднял голову и окинул ее взглядом. Он увидел ее маленькие груди, и Аня закрыла глаза, когда он лизнул одну, потом подул на нее, а потом сжал губами сосок.

Она притянула его голову ближе к себе, и он, закончив ласкать одну грудь, проделал то же самое с другой. Губы Романа сжали ее сосок с такой силой, что Ане стало больно. У нее задрожали ноги, но его руки прижали их к креслу.

– Роман...

Он опьянял ее, лишал ее воли. Он положил руки на ее бедра и развел их в стороны, пристально глядя на нее. У нее перехватило дыхание. О да, ей хотелось обнять его и притянуть к себе, но Роман, сделав несколько ласковых движений, скользнул в ее лоно пальцами и стал выводить восьмерку вокруг клитора. Они невольно улыбнулись, вспомнив, как когда-то Аня объясняла ему, где он находится.

Тогда Романа волновало только собственное удовольствие. Поначалу. Но потом ему открылось святилище, где таилось ее наслаждение.

Роман убрал руку и встал.

Видя его эрекцию, Аня положила сверху руку и стала поглаживать его: вверх, вниз, вверх-вниз, пока он расстегивал ремень на брюках. Аня выпустила его наружу, и Роман, сняв галстук, расстегнул пуговицы рубашки. Теперь в просвете между полами она видела его обнаженную грудь, хотя он так и не снял пиджак и рубашку.

Какой красивый, подумала она и, облизнув губы, наклонила голову и тронула его легким поцелуем. Потом еще. Трепещущие перья ее сценического головного убора мягко и нежно щекотали его накачанный живот, а губы стремительно разжигали пламя, покоряя его и делая

ее рабом. Его дыхание прервалось, и из груди вырвался стон. Знакомый стон, от которого по телу Ани пробежала жаркая волна.

Ее движения сделались медленней и глубже, в то время как Роман вытаскивал бесконечное число заколок и шпилек, державших головной убор. Наконец Роман скинул его на пол и нагнул ее голову ниже.

Ловкими движениями он распустил волосы Ани и поднял ее голову вверх для поцелуя. Потом Роман поднял Аню на руки, прижал к себе и отшвырнул кресло в сторону. Одним махом он сбросил со стола все любовно расставленные на нем безделушки и посадил Аню на стол. Она гладила его по голове, пока он поворачивал и наклонял зеркала так, чтобы видеть в них сотни отражений их тел, а потом, подвинув ее на край стола, развел ей ноги. Своим низким, хриловатым голосом Роман сказал, что намерен довести ее до экстаза.

И сдержал обещание. Аня с силой вцепилась в край стола, ее спина выгнулась дугой, и он вошел в нее. Ей казалось, что боль и наслаждение их первой ночи повторяются снова.

Роману всегда нравилось видеть то, что он с ней делал, и теперь он, опустив глаза, смотрел, как скользит вперед-назад между ее ног. Аня взглянула в зеркало.

Увидев бесконечную череду их отражений, она подумала о том, сколько воспоминаний могло бы накопиться у нее за все эти годы, если бы он не лишил ее этого.

– Ненавижу тебя. Ты меня бросил и опять уйдешь, – всхлипнула она, чувствуя, как его движения стали ускоряться. Она плотно сжала губы, чтобы обида и боль не могли вырваться наружу.

Роман не смотрел в зеркала, он просто смотрел вниз, а потом, подхватив ее снизу, с силой прижал к своей голой груди и нашел губами ее рот.

Аня уже не сидела на столе. Теперь она буквально слилась с любимым, обвившись вокруг него ногами. Забыв об усталости, она изо всех сил вцепилась в Романа, ее сильные ноги крепко прижимали его к ней, позволяя ему проникать глубже.

Роман мог совсем не держать ее, и теперь его большие ладони, обхватив ее ягодицы, ласкали их, заставляя ее взлетать все выше и выше.

– Замри, – вдруг сказал он.

– Не могу.

– Я хочу тебя чувствовать.

Он понимал, что Аня на грани. Его сильные руки, обхватив ее напряженное тело, не давали пошевелиться. Роман знал ее, и оказался прав, потому что в этот момент она почувствовала, как то, что было внутри, сделалось еще длиннее и больше, и он, издав первобытный стон, сделал то, что обещал, – довел ее до экстаза. Волна наслаждения пробежала по спине, Аня схватила его за плечи. Ей казалось, что она высосала из него все наслаждение до последней капли, но продолжала хотеть еще.

Они поцеловались, но Аня по-прежнему чувствовала, что может повторить. Их желание не имело предела, и, когда они замерли, прислонясь друг к другу лбами, она чувствовала, что одним движением бедер может заставить его снова захотеть ее.

Их рты прижались друг к другу, языки сплелись. Аня обхватила его спину и качнула бедрами... Но в этот момент в дверь постучали.

Когда из-за двери сказали, что машина, которая должна отвезти ее на банкет, скоро будет здесь, Аня в отчаянии закрыла глаза. Ей хотелось вечно оставаться в его объятиях, но Роман опустил ее на пол. Положив голову ему на грудь, она вдохнула его запах. Их запах.

– Ты любил меня?

Она должна была это узнать, но он не ответил. Прошло почти четырнадцать лет, а она до сих пор не знала. Четырнадцать лет она не виделась с ним. Хотя это было не совсем так, потому что с завидной регулярностью Аня видела его во сне.

Нет, неправда, с тех пор она видела Романа еще один раз. И этот случай она упорно пыталась вычеркнуть из памяти. Это была сцена, которую Аня предпочла бы никогда не видеть. Но она ее видела.

Она взглянула на его губы, на которых блуждала легкая улыбка, – Роман очень редко улыбался. Но потом Аня заглянула ему в глаза. Ей показалось или они сверкнули победным блеском?

И эта улыбка. Неужели он улыбался тому, с какой легкостью смог получить ее? Что после стольких лет он пришел к ней, и она мгновенно растаяла, как свечка от огня?

Аня разозлилась на него, но еще больше на себя за то, с какой готовностью сдалась ему. Злость переполняла ее. Она помнила, что видела два года назад.

Сначала, увидев его, она испытала облегчение. Человек, которого она любила, не погиб в какой-нибудь горячей точке. Но почти сразу облегчение уступило место ярости, и теперь Аня снова чувствовала ее.

Подняв руку, она дала Роману пощечину, от которой он даже не поморщился. А потом спросила его о том, о чем ей наверняка стоило спросить раньше.

– Как поживает твоя жена?

Глава 4

Да, она должна была спросить об этом раньше. Но у них всегда так получалось. Их любовь была такой нетерпеливой, такой жадной, что не оставляла места ни для чего другого, кроме них.

Роман точно знал, что, даже если бы Аня вышла замуж и родила тройню, если бы она работала кассиршей в каком-нибудь магазине, их первая встреча после стольких лет разлуки окончилась бы точно так же.

Она должна была бы закончиться так же.

И именно поэтому он должен был дать ей уйти.

– Ты знала? – Роман нахмурился. – Откуда?

– Я видела вас в Париже два года назад, когда мы там выступали. Вы с ней сидели в открытом кафе на площади, греясь в лучах вечернего солнца, и целовались.

Какая мука была видеть это. Хотя еще большей мукой оказались старания не вспоминать об этом. Аня вышла из своего отеля, собираясь отправиться в театр готовиться к спектаклю. К тому времени она стала солисткой и танцевала Силу в «Спящей красавице», хотя во втором составе ей уже дали одну из самых главных ролей – роль Феи Сирени.

В тот вечер Ане предстояло впервые танцевать Фею Сирени, и все ее мысли вертелись только вокруг этого, пока, повернув на площадь, она не остановилась как вкопанная.

Это был Роман. Совершенно точно. Аня застыла на месте.

Роман сидел в уличном кафе, залитом послеполуденным солнцем, и, хотя ее сердце с первого же взгляда знало, что это он, сознание никак не могло признать его в этом хорошо одетом человеке, небрежно развалившемся в кресле. А может, этому мешала женщина средних лет, сидевшая рядом с ним.

У Ани сдавило горло, она до боли стиснула зубы, глядя, как женщина потянулась к Роману и поцеловала его. На солнце блеснуло обручальное кольцо женщины, и Аня нахмурилась. Ей вдруг пришло в голову, что у Романа интрижка с немолодой замужней дамой. Уже одно это причиняло сильную боль, но потом Аня увидела, как он поднял свою чашку, и ей показалось, что мир погрузился в темноту, потому что на его пальце она тоже увидела кольцо.

Проходившие мимо люди, похоже, не заметили, как она вскрикнула. Хотя теперь Аня вспомнила, что одна женщина повернула голову и удивленно посмотрела на нее.

А потом, когда она уже думала, что у нее остановилось сердце, Аня почувствовала, как оно зашлось от мучительной боли, потому что Роман – ее пропавший любимый – взял свою жену за руку, и они снова поцеловались.

Ей хотелось кричать от ярости. Броситься туда и остановить их. Потребовать у Романа ответа, как, черт побери, он мог изменить ей. Потому что она чувствовала себя именно так, словно застала его в момент измены.

И все же она не нашла в себе сил устроить ему сцену. Ее подмывало бежать назад, в отель, забиться в свой крошечный номер, упасть на кровать и выплакать свое горе. Но от вечернего спектакля зависела ее судьба.

Впервые в жизни Аня всерьез подумала, что не сможет танцевать. В этот судьбоносный для ее карьеры вечер она сомневалась, что у нее хватит сил идти вперед.

Кое-как добравшись до театра, она достала все свои талисманы: сережку, фольгу от шоколадки и бирку от простыни. О да, она хотела их выбросить, но вместо этого поплакала над ними, погоревала... И поднялась.

В тот вечер Аня танцевала как никогда хорошо, хотя сцена, которую она увидела на площади, стояла у нее перед глазами, вызывая боль и ярость.

– Ну, – настойчиво произнесла она, запахнувшись в халат, пока Роман приводил в порядок свою одежду, – так как она? Ждет тебя за кулисами... – Аня окинула взглядом его безупречный костюм. – Она хорошо одевает свою игрушку...

– Все, что у меня есть, куплено на мои деньги, – перебил Роман.

– Я тебя умоляю... – Аня брезгливо поморщилась. – У тебя никогда ничего не было.

– Когда мы были знакомы, – возразил он, – у меня действительно ничего не было. Но я сделал себе состояние. Сам.

– Чувшь! Ты нашел богатенькую жену. Я видела ее в кафе, всю увешанную драгоценностями. Ну, расскажи мне, как тебе живется с ней?

– Она была замечательной женщиной, – ответил Роман, этими словами давая ей понять, что его жена умерла и он готов отстаивать не только свою покойную жену, но и сам факт того, что после Ани у него была другая женщина. – И не вздумай говорить о ней плохо, Аня, иначе тебе не понравится моя реакция.

Эти его слова вызвали у Ани приступ жгучей ревности.

– Селеста умерла год назад.

В этой фразе Аню взбесили сразу две вещи. То, что теперь она знала имя его жены, и то, что, хотя жена умерла год назад, он до сих пор не попытался разыскать свою первую любовь.

Впрочем, чего она ждала? Точно так же Роман не пытался разыскать своего брата. Определенно он был самый холодный и непонятный человек из всех, кого она знала. В его черных глазах всегда скрывалась какая-то тайна. Вот и теперь, глядя в них, Аня видела это.

– Ты знал, что я выступала тогда в Париже?

– Знал.

– Ты ходил посмотреть на меня? – Аня спрашивала, потому что всегда танцевала для него.

– Нет. Селеста хотела, чтобы мы пошли, но я нашел предлог отказаться, и она пошла с подругой.

– Почему?

Ему не хотелось отвечать. Роман точно знал, какой день Аня имела в виду. Они с Селестой сидели в уличном кафе и ждали, когда придет ее подруга.

– Почему ты не хочешь пойти на балет? – спросила Селеста.

– Да так... – Он пожал плечами.

– Мы расстаемся, верно? – Селеста потянулась к нему и поцеловала. – Все нормально, Роман. Мы заключили договор на два года.

И эти два года подходили к концу. Но Селеста узнала, что серьезно больна и ей осталось жить всего шесть месяцев.

Сделав глоток кофе, Роман понял, что принял окончательное решение.

– Я останусь с тобой до конца, – пообещал он и скрепил свое обещание еще одним нежным поцелуем.

Тем самым, который видела Аня.

– Почему? – не отступала она. – Почему ты не пришел посмотреть, как я танцую? Тебе было все равно?

– Нет. Я обещал, что буду верен своей жене. Глядя, как ты танцуешь, я чувствовал бы себя так, словно изменяю ей.

Он знал, ему будет достаточно однажды взглянуть на Аню, чтобы понять: даже после всех этих лет его чувства никуда не делись.

Аня не понимала его, но он не делал ничего, чтобы помочь ей понять.

– Почему ты не сообщил Даниилу, что будешь в Лондоне? – спросила она.

– Откуда ты знаешь, что не сообщил?

– Знаю. Я была у него сегодня, – ответила Аня.

Роман не ответил, но она заметила, как он стиснул зубы, когда она дала ему понять, что общается с его братом.

– Он женился... – сказала она.

– Я читал сообщение в газете.

– У них только что родился ребенок.

– Об этом я тоже читал.

– Он до сих пор ищет тебя, – сказала она. – Он не знает, жив ты или умер.

– Ты не сказала ему, что видела меня в Париже?

– Нет. – Она не стала ничего рассказывать, потому что ей хотелось бы никогда не видеть

Романа сидящим в том залитом солнцем кафе и целующим другую женщину. – Возможно, я расскажу об этом, когда увижу его в следующий раз. Тебе известно, что на следующее воскресенье назначены крестины твоей племянницы?

Она увидела, как лицо Романа сделалось непроницаемым.

– Может, ты и стер свое прошлое, когда вступил в легион, но мы все живы. Твою племянницу зовут Надя...

– Аня... – Он поднял руку, чтобы она прекратила, но Аня отказывалась молчать.

– Представляешь, Сева тоже будет здесь со своей женой Наоми.

Она увидела, как Роман тяжело вздохнул, слыша эти имена из прошлого.

Имена людей, которых он любил, но с которыми решил больше никогда не общаться.

– И Николай приедет. Ты помнишь, как он любил корабли? Теперь у него своя суперяхта.

– Ты врешь, – не выдержал Роман. – Разве ты забыла? – Он посмотрел на нее. – Конечно, ты не помнишь. Ты тогда была в балетной школе. Николай сбежал и покончил с собой.

Тогда для них наступили самые мрачные времена. Роман до сих пор помнил ту ночь, когда им сказали, что тело Николая вытащили из реки.

Он попросил, нельзя ли ему поговорить с Севой, потому что знал, что тот будет в отчаянии. Николай был самым близким другом Севы.

Роману не разрешили и вместо этого заперли в его комнате. Он не плакал, он просто не умел этого, но в ту ночь, думая о том, какие мучительные мысли, должно быть, одолевали Николая, если он решился на такой отчаянный поступок, Роман как никогда был близок к тому, чтобы расплакаться.

И вот теперь Аня утверждала, что Николай жив.

– Николай действительно сбежал, но тело, которое они достали из реки, оказалось не его, – сказала Аня.

Роман не выдал своих чувств. Он никогда не выдавал их, а за время службы в легионе отточил это умение до мастерства. Но когда он услышал, что Николай жив, что в следующее воскресенье все его друзья соберутся вместе, от него потребовалось все его самообладание, чтобы голос не выдал его волнения.

– И ты там будешь?

Аня кивнула:

– Я специально прилечу на один день.

– Ты возвращаешься туда?

– Мы вылетаем завтра.

– Мы?

– Наша труппа.

Роману хотелось спросить про Мику, но он не стал.

Сегодняшний вечер единственный, дань старым временам, говорил он себе.

В дверь сновпостучали, и им сообщили, что машина ждет, чтобы отвезти Аню на прощальный банкет.

– Пусть подождет! – крикнула в ответ Аня.

- Тебе надо идти, – сказал он. – Или твоя мать снова обзовет меня вредителем.
- Она умерла, Роман. И пожалуйста, избавь меня от фальшивых соболезнований.
- Хорошо.

Он ненавидел Катю.

- Я пойду, чтобы ты могла подготовиться к банкету.

– Значит, позанимались сексом, и ты пошел? – с вызовом спросила она и язвительно засмеялась. – Ничего не меняется, верно?

Аня увидела, как Роман посмотрел на свое отражение в зеркале. Она понимала, что ей нужно, чтобы он ушел. Если она не снимет грим и не приведет себя в порядок, то будет выглядеть ужасно, но его невозмутимость приводила ее в бешенство.

Роман пригладил волосы, поправил галстук и, взяв салфетку, стер с лица легкие следы ее грима.

Когда он подошел, чтобы поцеловать ее в щеку, Аня отвела голову назад, но, как только он двинулся к двери, окликнула его.

Была еще одна вещь, которую ей непременно хотелось узнать.

- Как ты познакомился со своей женой?

– Не важно, – ответил Роман.

– Для меня важно. Я хочу знать. Это была любовь с первого взгляда или ты просто хотел получить ее деньги? Роман, скажи мне, как вы познакомились?

– Я ответил на объявление. Она искала мужа.

С таким же успехом он мог вырвать ей сердце и растоптать его. Вместо того чтобы искать ее, он просто ответил на объявление.

– Ты подонок!

– Да, – согласился Роман.

– Проститутка! – крикнула Аня. – Я тебя ненавижу.

– За что? – спросил он. – За то, что я устроил свою жизнь?

Она не ответила. Да, она ненавидела его за то, что он устроил свою жизнь без нее, и никогда не смогла бы простить ему женитьбу на другой женщине.

– Да будет тебе, Аня. – Она вынудила его затронуть тему, которую он не хотел бы обсуждать. – Только не говори мне, что у тебя никого не было.

– Конечно, были, – ответила она. – Ты же не думаешь, что ради тебя я хранила себя в морозилке?

Аня лгала. После Романа у нее не было никого. Только балет.

Она не хранила себя в морозилке, она сама превратилась в лед. Никто не мог даже приблизиться к ней, она сторонила всех и никого не подпускала.

– Рада была повидаться с тобой, Роман, – сказала она. – И пожалуйста, не жди, что нечто подобное повторится в Париже. Я предпочла бы, чтобы ты ко мне не приближался. – Аня повернулась, собираясь направиться в душ, но потом передумала. – Ты должен сообщить своему брату, что ты жив, или это сделаю я. Ты сам решил появиться, и я больше не стану хранить твои секреты. – Она назвала ему адрес Даниила. – Два года назад он сменил имя, чтобы ты смог его найти. Я не могу поверить, что ты ни разу не пытался его разыскать.

Аня смотрела на этого человека. На человека, который просто взял и повернулся спиной к той жизни, где они могли быть вместе. И поняла, что теперь верит в это.

– Надеюсь, она того стоила.

– Чего стоила?

– Уходи, – сказала Аня.

Ей хотелось, чтобы он ушел немедленно.

Роман так и сделал.

Но только гордость не позволила ей позвать его назад.

Выйдя из душа, Аня быстро оделась для прощального банкета.

Она высушила волосы феном и почувствовала, как они мягко легли вокруг лица. Ее руки до сих пор дрожали после их короткого свидания.

Аня надела светло-серое платье, такие же туфли на шпильке и вышла из гримерной. Цвета она оставила для сцены.

– Где ты была? – спросил Мика, когда она села в лимузин, чтобы ехать в отель, где проводили банкет.

– Ко мне приходили гости, чтобы меня поздравить.

Они сидели в тишине. Аня углубилась в свои мысли. Мика, надувшись на то, что его заставили ждать, читал отзывы о сегодняшнем спектакле в соцсетях. Они не обращали друг на друга внимания, но, как только вышли на красную дорожку, снова оживились и улыбнулись друг другу. Это вносило в мир танца некоторую интригу. Одна из поклонниц выкрикнула имя Мики, но он заботливым жестом обнял Аню, и они, улыбаясь на камеры, направились внутрь.

Вместо того чтобы отказаться от деликатесов, как она обычно делала, Аня положила на салфетку маленькую булочку и откусила кусочек теплого сладкого теста.

Несколько человек, смотревших в ее сторону, удивленно подняли брови, когда она откусила еще кусочек, а потом еще один. Ее обычное меню на подобных вечеринках состояло из воды с лимоном.

Но сегодня после секса Аня чувствовала сильный голод. Или так на нее подействовало возвращение Романа?

Да, люди вокруг заметили, что она изменилась. И это касалось не только еды. Щеки Ани порозовели, зеленые глаза блестели, как никогда.

После всех этих лет ее тело снова ожило, однако ее душу Роман все же убил.

На следующее утро, когда знаменитая балетная труппа направлялась в аэропорт, чтобы лететь в Париж, где им предстояло после недельного отдыха возобновить серьезные репетиции, Аня с трудом удержалась от того, чтобы остановить машину и выйти.

Роман оставался в Лондоне.

И позже, когда она поднялась на борт самолета и пристегнула ремень безопасности, ей хотелось выйти. Ей было не по себе оттого, что она улетает, когда он здесь.

Отвернувшись от болтавших между собой коллег, Аня уставилась в окно и думала о том, как после стольких лет встретятся Роман и Даниил. Потом ее мысли вернулись к тому, что произошло вчера вечером.

Тогда, несмотря на резкие слова Романа и суровую отповедь, в которой она сама напомнила себе, что он ее бросил, Аню утешала только одна мысль.

Она увидится с ним на крестинах. Непременно. Это не конец. Конца не будет.

Никогда.

Глава 5

Наутро в день крестин Роман проснулся и, лежа в постели, ощутил всплеск незнакомого чувства – ему вдруг страшно захотелось оказаться в своем парижском доме.

Роман не привык тосковать по дому или городу, но, встав с постели и приняв душ, он понял, что мысль о скором возвращении его радует.

Несмотря на то, что сегодня ему предстояло встретиться с Даниилом, Роман до сих пор не связался с ним. Естественно было бы предположить, что ему захочется встретиться со своим братом-близнецом раньше, чем с Аней.

Но это предположение было бы ошибочным. Их с Даниилом бросили через две недели после рождения. Никто не знал, кто из них появился на свет первым, но почему-то всегда считалось, что Роман старший.

Роман родился лидером, и, хотя Даниилу тоже хватало твердости, он постоянно присматривал за братом. Роман заботился о нем и частенько брал на себя его вину, потому что желал брату только самого лучшего.

Когда Даниила усыновили, Роман дал себе обещание, что не станет возражать и отпустит его.

Даниилу выпал шанс, реальный шанс на новую, благополучную жизнь, и Роман настоял, чтобы брат воспользовался им.

Когда Даниил отказался уходить, когда он напомнил Роману, что они собирались стать боксерами, Роман ответил, что ему будет легче сделать это без Даниила. Если брат останется, он будет ему только мешать.

Они устроили в спальне тот запрещенный поединок, и в ту ночь Роман дрался нечестно.

– Видишь, Шишка, – сказал Роман, когда Даниил приходил в себя после страшного удара, которым брат разбил ему щеку. Прозвище Шишка Даниилу дали после того, как выяснилось, что его хотят усыновить богатые англичане. – Без тебя мне будет только лучше.

Даниил согласился. Он не прислал из Англии в детский дом ни одного письма, не попытался связаться с братом. И хотя Роман скучал по нему, его утешало понимание, что брату выпал шанс.

Когда Роман вышел из детского дома, он хотел было попытаться разыскать Даниила, но мысль о том, что он явится к нему на порог бедным родственником и станет для брата обузой, заставила его передумать.

Уволившись из Иностранного легиона, Роман снова думал об этом. В отличие от других легионеров ему удалось заработать целое состояние благодаря долгим беседам с одним из своих товарищей по имени Дарио. Мужчины редко говорили о своей жизни до вступления в легион. И неудивительно, ведь, в конце концов, они оказались там потому, что хотели порвать с ней. Но однажды ночью в пустыне, когда они оба лежали раненые и ждали помощи, разговорились о прошлом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.